

Лейла Элораби Салем

*Право
на новую
ЖИЗНЬ*

Лейла Элораби Салем
Право на новую жизнь

«Издательские решения»

Элораби Салем Л.

Право на новую жизнь / Л. Элораби Салем — «Издательские решения»,

«Право на новую жизнь» — новый роман автора. В книге описаны проблемы современных школьников. Главная героиня — Иванова Вероника — претерпевает все несчастья жизни: проблемы и дома, и в школе. Пройдя через боль, страх, унижения и даже смерть, девушка в конце находит силы бороться за свое счастье, и оно не заставило себя долго ждать.

Содержание

Глава I	6
Глава II	17
Глава III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Право на новую жизнь

Лейла Элораби Салем

© Лейла Элораби Салем, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Вот прошел еще один день, похожий на все предыдущие. Никаких изменений не предвещал послеобеденный сон. Старый пол все также скрипел под ногами, и никому не было до него дела – ремонт стоит слишком дорого, чтобы тратить на него деньги. А в квартире вообще все было старое: обои, мебель, ковры, ванная, туалет, даже трубы сто лет никто не красил. Такая атмосфера нагоняла тоску и безнадёгу, словно это было болото, которое затягивало с каждым разом все сильнее и сильнее.

На часах, больших, красивых, сделанных в виде домика с кукушкой пробило два часа дня. Сергей, подтягивая старые спортивные штаны, прошел на кухню, где стояла гора невымытой посуды, и заварил себе чай. Но вдруг, вспомнив о чем-то, повернулся к холодильнику и достал оттуда банку пива. Вообще-то, по правде сказать, Сергей не был пьяницей, ему была дорога семья, но нищета и безработица сделали свое дело. Каждый день мужчина лежал на диване у телевизора, иногда вставал и шел на кухню, чтобы разогреть себе поесть. Естественно, за собой он посуду никогда не мыл, да и вообще не заморачивал себя хозяйственными делами, благо, в доме были женщины, которым приходилось выгрести мусор, оставленный после безработного хозяина семейства.

Вскоре началась трансляция матча. Сергей, с банкой пива в одной руке и пультом управления в другой, уселся подле телевизора, сделав звук громче, и принялся смотреть футбол, время от времени бросая нецензурные слова в адрес спортсменов.

Раздался звук открывающейся двери. Ключ повернули три раза. Дверь приоткрылась и в квартиру зашла невысокая худенькая девочка лет пятнадцати. Она тихо разулась, поставила сапоги и подошла к шкафу, чтобы повесить куртку.

Сергей был настолько поглощен футболом, что даже не обратил внимания на звуки шагов в коридоре, а затем плеск воды в ванной комнате.

Вероника тихо прошла в свою комнату и закрыла дверь. Там она переоделась в домашнюю одежду. Вытащив из сумки учебники и тетради, она раскрыла дневник и посмотрела домашнюю работу на завтра. Из предметов ей нужно было сделать химию, русский и английский. Не так уж и много в отличии от вчерашнего дня, подумала девушка.

Прежде чем приступить к урокам, она прошла на кухню и заглянула в холодильник. Есть было практически нечего. Оставалось лишь немного макарон да одна сарделька. Разогрев все это в микроволновке, Вероника ушла в спальню и начала есть за письменным столом.

На то, чтобы не обедать на кухне было несколько причин: отчим, который мог в любое время вернуться за банкой пива; грязь; неприятный запах из помойного ведра. Девушке было неприятно находиться в такой обстановке. И хотя она старалась поддерживать чистоту, неряшливость Сергея сводила все ее труды на нет. Когда обед был почти доеден, Вероника включила компьютер и вошла в интернет. Там она включила фильм и принялась смотреть его, изредка бросая косой взгляд на дверь.

По коридору раздались шаги. Вероника в испуге быстро выдернула из розетки удлинитель и компьютер выключился. Она боялась отчима, который ненавидел ее, боялась собственную мать, которую нищенская жизнь довела до такого состояния, что женщина срывала всю злость на дочери, единственном человеке в семье, которую ни капельки не уважала, но старалась по максимуму загрузить делами.

Сергей пинком открыл дверь, держа в левой руке недопитую бутылку. В нос Веронике ударил тошнотворный запах пива. Она так и осталась сидеть как вкопанная. Мужчина как бык приблизился к падчерице и хриплым голосом проговорил:

– Опять жрешь из моего холодильника, дармоедка? Выгнать тебя пора из дома.

– Я... я только немного положила себе. Я пришла из школы, – девушка пыталась говорить ровным голосом, дабы не разозлить Сергея.

– Иди посуду мой, лентяйка. Не видишь, сколько грязи на кухне?

– Я помою, потом.

– Шируй сейчас же на кухню! Баба должна мыть посуду, поняла? – Сергей двинулся на падчерицу, явно желая ударить ее.

Вероника вся съежилась, боясь удара, ибо увесистый кулак отчима не раз обрушивался на ее голову, оставляя синяки и шишки. Но сейчас, уставшая после школы, девушка не могла ничего сделать. Она лишь вскочила на ноги и рывком бросилась вон из комнаты. Она забежала на кухню и принялась мыть посуду, время от времени поглядывая на дверь.

Сергей не стал ее преследовать. Довольно усмехнувшись, что снова добился своего, он отправился в зал, где в очередной раз смотрел футбол, после которого мог уснуть прямо на диване, позабыв все на свете.

Посуда была помыта и поставлена в кухонный шкаф. Устало вздохнув, Вероника вытерла мокрые руки о полотенце и вернулась в свою комнату. Там она достала учебник и решила как следует подготовиться. Но вдруг волна негодования наполнила все ее сердце и она, отбросив учебник по химии, тихо заплакала. Мысленно она окинула взором всю свою недолгую жизнь. Счастливым было лишь детство, когда она вместе с мамой и папой жили у бабушке; она вспомнила совместные ужины на кухне, походы в парк, поездки на дачу и море, веселые выходные в цирке. Сейчас же вряд ли получится вернуть то, что было, хотя надежда на то, что бабушке удастся забрать внучку к себе, все еще жила в душе Веронике и маячила на горизонте, словно лучик среди пасмурного неба.

Вся жизнь Вероники повернулась вспять, когда ее родители развелись. Развод проходил со скандалом. Инна Викторовна отсудила у бывшего супруга квартиру и дочь. Веронику женщина оставила не столько из-за любви к ней, сколько ради того, чтобы насадить бывшему мужу и его матери. Сразу после развода Инна Викторовна забыла о дочери, которой на тот момент было одиннадцать лет. Такой нежный, юный, только что распутившийся цветок вынужден был прозябать в старой квартире, влача жалкое существование, ибо от матери она перестала получать тепло и ласку. Более того, женщина изо дня в день укоряла ее в том, что та похожа на отца, такого же закомплексованного неудачника, что девочка слишком много ест (да-да, пара бутербродов по утрам и маленькую тарелку макарон с котлетой, курицей, а чаще, сарделькой).

Но это было еще полбеды. Настоящий кошмар начался после повторного замужества Инны Викторовны с Сергеем Алексеевичем. Где она нашла такого человека, который не работал, пил пиво, да еще качал права, бил себя в грудь, называя самого себя хозяином семейства, никто не знал.

Отношений между Вероникой и Сергеем не сложились сразу. Отчим изо дня в день позволял себе высказывать оскорбления падчерице, называя ее дрянью, дармоедкой, ублюдиной, уродиной, тварью. Девочка после таких оскорблений бежала жаловаться матери. Но женщина, боясь потерять любимого мужа, не только не заступалась за дочь, но даже вставала на сторону Сергея и также принималась отчитывать дочь, ставя в пример детей своих друзей, коллег и знакомых. И если девочке было легче переносить оскорбления от чужого человека, то брань матери лишала ее сил и надежды. В таких случаях несчастный ребенок закрывался в комнате и долго плакал.

Но хуже стало в тот момент, когда в семье появился общий ребенок Инны и Сергея. Мальчика назвали Даниил. Малыш родился со слабым здоровьем, часто вставал по ночам и по два-три часа безудержно плакал. Инна Викторовна проводила по полночи возле колыбельки, укачивая Данилку, из-за этого не высыпалась, ходила весь день раздраженная. Естественно, злость всю выливалась на одного единственного человека в семье – Веронику, которая в силу возраста не могла ответить матери на оскорбления и унижения. Деньги, что водились в семье, тратились

на лечение мальчика, плюс памперсы, молочные смеси, каши, пюре, соки. Вероника оказалась никому ненужной, о ней словно позабыли, даря всю любовь Данилке.

Денег на еду и одежду не хватало. Из-за постоянного недоедания у Веронике обнаружили гастрит. Учиться девочка стала хуже, скатившись до троечницы. Одевалась хуже всех в классе, донашивая старые вещи. Ей было стыдно переодеваться в раздевалке перед физкультурой, так как не хотелось демонстрировать старые, много раз чиненные колготки и растянутый бюстгалтер. А попросить у матери денег на новую одежду девочка боялась, ибо знала, какая реакция последует после такой просьбы. Однажды Вероника постаралась намекнуть Инне Викторовне, что ей нужны новые джинсы и сапоги, на что женщина вскинула руки и ринулась на дочь, понося ее последними словами и теребя за волосы.

– Чего тебе еще надо от меня, уродина? – кричала Инна Викторовна. – Тебе что, мало вещей? – после этих слов она ринулась к шкафу и начала выкидывать оттуда майки, штаны, кофты. Трусы дочери. Вещей было немного и все как один старые и поношенные.

Вероника громко плакала, закрывая голову от ударов, что непрерывно сыпались на нее. Женщина выгребла вещи и, схватив девушку за волосы, рывком подняла ее голову и закричала:

– Смотри, сколько у тебя вещей, дармоедка! Что, мало, да? Я и так одна горбатюсь на всю семью, ничего себе лишнего не позволяю. А тебе прямо сейчас понадобились джинсы и сапоги. Иди к своему папаше и проси у него, ясно? Хотя он ничего не даст тебе, он же нищий. Да и не нужна ты ему, у него теперь своя жизнь. Хотя... кому ты вообще нужна? Если бы знала, что все так получится, я лучше бы аборт сделала, чем тебя рожать.

Девочка продолжала плакать. Слова, сказанные матерью в порыве ярости, больно ранили ее. Первое мгновение ей захотелось выброситься из окна, дабы покончить с этой несчастной жизнью. Но в последний миг что-то ее остановило от подобного действия. Вместо этого Вероника уткнулась лицом в подушку и заплакала.

Инна Викторовна со злорадством смотрела на несчастную дочь, в ней не осталось ни капельки сочувствия к этой несчастной, забитой жизнью девочке. Всю нежность, заботу и любовь женщина отдавала Сергею и Даниилу, которые ее ни во что не ставили. Веронике же не оставалось ничего, только побои и унижения каждый день.

Но как говорится, беда не приходит одна. В последнее время, когда Вероника перешла в седьмой класс, отношения с одноклассниками тоже испортились. Класс разделился на группы, и каждая из этих групп старалась продемонстрировать свое превосходство над остальными. За бортом отверженных оказалось двое человек: Вероника и Оля. Последней повезло больше: родители, желая для дочери лишь добра, перевели ее в лицей, подальше от хулиганов и жестоких одноклассников. Вероника же осталась одна одинешенька со своей проблемой, которая не волновала никого из взрослых: ни учителей, ни родителей. Девушка и так чувствовала постоянное негативное давление дома, так еще к этому добавилась школа с ее порой жестокими законами среди учащихся. О переводе хотя бы в параллельный класс не было даже и речи: Инна Викторовна не желала найти лишние деньги, дабы заплатить взятку классному руководителю, а за просто так никто помогать не собирался. Покинутая всеми, брошенная на произвол судьбы, Вероника старалась изо всех сил побороть страх и робость, но тщетно. Комплексы, привитые матерью и отчимом, мешали ей построению отношений с одноклассниками.

Кажется, хуже быть не может. Но, оказывается, может. В тринадцать лет у Веронике ухудшилось зрение. Бабушка пошла с ней к окулисту, который прописал носить очки во время просмотра телевизора и чтения книг. Девочка и представить не могла, что очки эти еще больше испортят ей жизнь. Мало того, что в школе вот уже год она подвергается насмешкам со стороны одноклассников и учителей за ее одежду и внешний вид, так еще и дома в кругу близких людей, которые, напротив, должны были бы поддержать ее.

Сергей при виде падчерицы в очках разразился смехом. Отсмеявшись, он закурил сигарету и сказал:

– Вер. Ты и так уродина уродиной, так еще и очки надела. Теперь ты стала четырехглазой уродиной.

Сидевшая на кухне с кроссвордом Инна Викторовна, услышала слова, сказанные в адрес дочери, и решила поддержать мужа:

– Да, вся в отца уродилась. Такая же страшная и никчемная. Даже не знаю, кто ее замуж возьмет с такой рожей и характером. Так и будет одна всю жизнь.

От этих слов на глаза Веронике навернулись слезы. Она умоляюще взглянула на Сергея, но тот презрительно отвернулся. Ничего не ответив, девушка ринулась в свою комнату, где проплакала целый час. «За что? За что?» – спрашивала она саму себя, но не находила ответа.

Вдруг зазвонил телефон. Вероника ринулась к письменному столу и взяла трубку. В трубке она услышала голос бабушки.

– Как ты, моя родная? – спросила Зоя Семеновна.

– Плохо, бабушка. Пожалуйста, забери меня к себе, – со слезами на глазах ответила девушка.

– Я стараюсь. Ты знаешь, как я стараюсь. Бегаю по всем инстанциям, прошу чуть ли ни на коленях забрать тебя и взять над тобой опеку. Да разве тебя мне отдадут? Мне так и сказали: раз родители девочки ни пьющие, а сама она ходит в школу и у нее есть компьютер, то значит, что семья благополучная. А на психологические унижения никто внимания не обращает-то.

– Бабушка, ну пусть папа меня заберет к себе.

– Папа, папа, – негодуя отозвалась Зоя Семеновна о собственном сыне, – этот непутевый о себе-то позаботиться не может, мечется с одной работы на другую, денег вечно не хватает. Живет практически за мой счет. Я ему сто раз уже говорила, чтобы работу приличную нашел да тебя бы к себе забрал. Да разве он пошевелится, когда ему и так хорошо: ни забот, ни хлопот, ни ответственности. Сейчас в Интернете подработку нашел аж за десять тысяч рублей! Но разве проживешь вдвоем за эти деньги. Одни коммунальные платежи пять тысяч стоят.

– Бабушка, прошу, поговори с папой еще раз. Убеди в том, что мне хочется жить с ним, а не с мамой, которая постоянно унижает меня.

– Вероника, поговорю конечно, но вряд ли это что-то изменит, – в голосе бабушки звучала обида, которую она питала к сыну из-за того, что он так легко забыл о дочери, которую все же любил и не обижал.

После разговора с бабушкой Вероника почувствовала прилив сил. Ей, лишенной материнской ласки и тепла, было настолько радостно слышать ласковый голос бабушки, которая одна во всем мире искренне любила ее и думала о ней. Может быть, поэтому девушка продолжала жить и надеяться, а не прыгнула с верхнего этажа и не наглоталась таблеток, как поступил бы любой другой подросток, оказавшись на ее месте.

Иногда казалось, что такая жизнь будет длиться бесконечно и никто в мире не сможет помочь справиться с теми бедами, которые обрушились на такую еще юную девушку.

Вероника подняла глаза и посмотрела в потолок, словно ожидая найти там ответ, но тишина сотрясала комнату хуже любого шума. Казалось, в этой тишине потонуло все: надежды, мечты. Девушка открыла учебник и нашла десятый параграф. Это была ее любимая тема. Пожалуй, единственная тема из курса химии, которую она знала на пять. Тема «Химические реакции». Вероника углубилась в чтение, ей стало интереснее с каждым предложением. В конце была задана задача. Девушка справилась с заданием за десять минут. В конце она отложила тетрадь и с довольным видом потянулась на стуле.

Один предмет был сделан. Теперь остались русский и английский. По русскому языку тоже не было ничего сложного. А вот с иностранным языком пришлось попотеть. Дело в том, что Веронике никак не удавалось выучить английский, она его просто не понимала. Особенно

трудности были с грамматикой. Она старалась изо всех сил справиться с языком, но кроме двоек и троек ничего не получала. От обиды ей хотелось порой плакать, ведь она так старалась всегда и все напрасно.

Когда половина задания по английскому языку было выполнено, в комнату влетел с вытупленными глазами Сергей и, бранясь последними словами, закричал:

– Чего ты здесь расселась? Ты что, забыла, когда Данилку нужно забрать из детского садика?

– Я думала, ты его заберешь.

– Чего ты здесь тыкаешь в моем доме? Я тут хозяин и все должны слушаться меня.

Поняла?

– Да.

– Ну так иди отсюда и забери брата из детского сада.

– А можно я уроки доделаю? Мне здесь осталось совсем немного, – умоляюще проговорила Вероника.

– Да какой тебе смысл уроки делать? Как была душой, так и осталась, – помолчав, мужчина проговорил себе под нос, – все здесь ненормальные, один я хоть умный.

Оставив девушку одну, Сергей вернулся к телевизору и, усевшись на диван, принялся грызть семечки, бросая шелуху на пол. А какой смысл убираться за собой, когда есть жена и падчерица. Уж они-то и наведут порядок, все пропылесосят.

В прихожей Вероника накинула пуховик, сверху повязала Большой шарф и вышла из квартиры, оставив отчима одного. В душе она была даже рада такому повороту событий, ибо хотя бы на короткое время могла уйти из дома, из того дома, где все время подвергалась насмешкам, оскорблениям и презрению. Теперь же, очутившись на улице, она вдохнула прохладный зимний воздух и рассмеялась в душе. Девушка почувствовала себя свободной и оттого счастливой. «Как же хорошо быть свободной!» – подумала она, шагая по улицам, слабо покрытым снегом.

Машины с большой скоростью пролетали мимо, не замечая одинокую девушку. Вероника всегда чувствовала себя чужой будь то улица, школа или родной дом; только с бабушкой ей было хорошо, только с ней.

В детском садике был тихий час. Воспитательница предложила Веронике подождать еще двадцать минут, когда проснутся дети. Девушка расстегнула пуховик и села на низенькую скамейку в раздевалке, покрашенной в зеленый цвет. На стенах висели детские рисунки, вырезанные из книжек и журналов сказочные персонажи, а в углу в старой глиняной плошке росла пальма, чьи листья давно пожелтели.

Вероника устало вздохнула и вытащила из сумочки мобильный телефон, дабы занять себя хоть чем-то в это время. На экране высветилась информация о новых сообщениях. Среди них была смс от Мегафон с пометкой о том, что пора бы положить деньги на счет. Девушка пересчитала оставшиеся после обеда деньги и поняла, что сегодня пополнить счет не получится, а это означает, что придется снова как и всегда унижаться перед матерью, прося хотя бы пятьдесят рублей на телефон. Чаще всего пополняет счет бабушка, но в этот раз Зоя Семеновна забыла, увлекшись разговором с сыном, который в очередной раз закончился скандалом. Хотя мужчина и любил свою дочь, но жертвовать своим свободным временем и пустым времяпрепровождением не собирался, ну не хотелось работать ему, не хотелось.

Тем временем проснулись дети. Воспитательница помогла им переодеться и справить нужду в туалете. Когда Даниил радостно выбежал в коридор, то увидел сестру, которая держала в руках его верхнюю одежду.

– Ну что, Данилка, пойдем домой? – ласково спросила Вероника, взяв младшего братика за руку.

– Я по тебе так скучал, – сказал мальчик и крепко обнял своими детскими ручонками девушку.

Вероника погладила его пушистые светлые волосенки и поцеловала в нежную детскую щечку, еще красную ото сна. Мальчик послушно оделся и они вместе вышли на улицу. Девушка укутала Данилку шарфом и сказала:

– Закутайся потеплее, а то снова простудишься, – она очень любила брата.

Мальчик послушно взял сестру за руку и попросил купить ему шоколадку. У Веронике практически не было денег, но отказать братику она не могла. Высыпав на ладонь оставшуюся мелочь, девушка купила Милки вэй и чупа-чупс. Данилка радостно раскрыл шоколадку и тут же ее съел.

Сам мальчик был избалованным, потому как любимец семьи, которому позволялось все. Он не знал отказа ни в чем отказа в отличии от сестры, которая была абсолютно лишней в их семье. Но как бы то ни было, Вероника он сильно любил и всегда рассказывал о ней в детском саду, называя не иначе как «моя сестренка». Мальчик глубоко переживал, когда оказывался свидетелем издевательств над Вероникой. В таких случаях он нередко старался защитить сестру, если дело касалось Инны Викторовны. Данилка бежал к матери, хватал ее за руку и, громко плача, кричал: «Мамочка! Не надо, не кричи на Веру!» В таких случаях женщина замолкала и уходила в другую комнату, чувствуя себя виноватой перед сыном, но никак не перед дочерью. А вот противостоять отцу мальчик боялся, так как чувствовал в нем силу и власть. И если гнев Сергея смерчем обрушивался на Веронику, то Данилка убегал чаще в туалет или ванную комнату, закрывался там и тихо плакал, ненавидя свое бессилие хоть как-то помочь родной сестре.

Сейчас же мальчик чувствовал себя счастливым, шагая за руку с Вероникой. Девушка свернула за угол и пошла через двор, рядом с которым был построен их дом. Данилка увидел снеговика и, слепив снежок, бросил в него. Девушка засмеялась и проговорила:

– Ты просто молодец!

– Вер, а можно я скачусь с той горки?

– Скатись, только один раз, а то холодно.

Мальчик радостно побежал через двор, где играли детки постарше. Пробежав мимо дворов, которая каталась на коньках по льду, Даниил взобрался на горку и с криком скатился вниз, плюхнувшись в снег. Вероника быстро подбежала к нему и отряхнула комья снега с одежды. Мальчик вырвался из рук сестры и сказал, обиженно выпятив губу:

– Я еще хочу!

– Нет-нет, Данилка, – ласково ответила она, – нужно возвращаться домой, папа ждет.

Мальчик серьезно взглянул ей в глаза, взгляд его был холодный, жестокий, совсем не похожий на детские глазки. Ледяным голосом, словно приговоренный к смерти, он сказал:

– Я ненавижу отца...

У Веронике комок застрял в горле. Никогда еще она не видела брата таким злым. На нее пристально смотрели чужие, совсем не знакомые глаза. Зрачки у Даниила расширились и он проговорил еще раз:

– Я ненавижу отца. Когда-нибудь я убью его... за тебя.

Рыдания подступили к горлу. Девушка из последних сил сдержала их, дабы не заплакать у всех на виду. Чтобы скрыть волнения, охватившие ее, она сглотнула слюну и, присев на корточки, крепко обняла братика. Волна нежности накрыла всю ее душу, что вырвалось в безудержных поцелуях таких нежных, детских щечек, покрасневших от холода. Как же хорошо осознавать, думалось Веронике, что в их семье хоть кто-то любит искренней любовью.

Но вместо слов нежности она сказала:

– Прошу тебя, Даничка, не говори так о папе, хорошо? Так нельзя.

– Раз он обижает тебя, то можно.

– Но он твой родной отец, а мне он никто.

– Ну и что. Все равно ты моя родная сестра, а это значит, что тебя никто не имеет право обижать!

– Ты еще такой маленький, а рассуждаешь словно взрослый. Ты умный человек, Даниил.

– Нет, я просто очень-очень сильно люблю тебя.

Какая-то теплота накрыла душу Вероники и она больше не могла сдержать слез. Две капли скатились по щекам и упали на воротник пуховика. Услышав, что девушка всхлипывает, мальчик внимательно посмотрел ей в лицо и спросил:

– Почему ты плачешь?

– Нет, я не плачу. Просто соринка попала в глаз.

– Сейчас же зима! Песка нет. Какая соринка?

Вероника спохватилась. И правда, она даже забыла, что была зима, а мальчик оказался внимательным, чтобы ничего не заметить. Дабы не оправдываться, девушка взяла его за руку и сказала:

– Ладно, маленький умник, пошли домой.

Когда они вошли в квартиру, то услышали громкие голоса, доносившиеся с кухни. Недавно с работы вернулась Инна Викторовна. Уставшая женщина с сумками в руках, прошла на кухню и обнаружила новую гору посуды. В отсутствие Вероники Сергею удалось начудачить: решив перекусив, он взял старую чугунную сковородку и стал жарить на ней яичницу. К сожалению, он не был заядлым кулинаром и потому проглядел приготовление блюда. Яичница сгорела, на кухне стоял удушливый запах гари. Но, решив не останавливаться на достигнутом, мужчина бросил ту кастрюлю в раковину и достал новую, ту, что купили два месяца тому назад. Судьба новой оказалась предсказуемой: на ней яичница сгорела также, как и предыдущая. Сергею это надоело и он со злости швырнул новую сковородку о стену. Естественно, она сломалась. Мужчине было не жаль ее, благо, покупала ее жена на свои деньги.

Когда Инна Викторовна увидела погром на кухне, то пришла в ужас. Бросив сумки с продуктами в дверях, она принялась кричать на мужа. Тот, не оправдываясь ни грамма, пошел в атаку: он кричал бранными словами, обзывая женщину плохой хозяйкой и матерью, которая слишком мало зарабатывает, чтобы семья жила более достойно.

– Я три месяца откладывала деньги с зарплаты на эту кастрюлю, отказывала себе во всем: не покупала лишних трусов, каждый вечер чинила порванные колготки, а ты, лентяй безработный, тоже и делаешь, что спишь да ешь, живешь на мои деньги в моем доме. От тебя нет ни капельки помощи! Ни на работу не ходишь, ни дома ничего не делаешь.

– Заткнись! – закричал Сергей таким страшным голосом, что Инна Викторовна попятилась назад, боясь получить удар в лицо. – Заткнись, я здесь хозяин и только мне дано право решать, кто что будет делать.

– Какой ты хозяин? Посмотри на себя. Одет как бомж, выглядишь как бомж. От тебя воняет хуже, чем от собаки! Хотя бы нанялся на неполный рабочий день, чтобы хоть капельку помочь мне, – голос женщины задрожал, на глаза навернулись слезы.

– Замолчи, дура сумасшедшая! Еще хоть раз крикнешь на меня, упеку в психушку, у меня много связей, а квартиру перепишу на себя, чтобы поделом было, и детенышей твоих в детдом сдать, поняла?

Инна Викторовна заплакала. Сергей же с ухмылкой смотрел на нее сверху вниз, упиваясь своим призрачным могуществом. Хоть где-то он может показать себя во всей «красе».

Вероника с Даниилом стояли в коридоре, прислушиваясь к каждому слову. И хотя ссоры в их семье были обычным явлением, дети все равно испытывали страх и стыд за родителей, ставящие свои собственные интересы выше детских.

Крики не прекращались, и все из-за сковородки, у которой сломалась ручка. Инна Викторовна повторила еще раз для Сергея историю о ее покупке и с каким трудом ей удалось приобрести новую сковородку, которая теперь лежала на полу, вымазанная подгоревшим омлетом.

– Да плевал я на эту сковородку! – закричал мужчина. В ярости стукнув кулаком по столу. – Плевал, поняла? Кстати, ты мне пиво купила?

– А с каких пор я обязана покупать тебе пиво, если мне на еду денег не хватает? Иди работать и можешь тогда тратить свои деньги на что угодно!

Сергей оскалился, готовый разорвать жену за такие слова, но в последний момент передумал и вышел из кухни. В дверях он на секунду остановился и, чтобы сделать Инне Викторовне побольнее, пнул пакеты с продуктами и ушел.

Дети в это время отсиживались в спальне, дабы не попасться на глаза Сергею, который в порыве ярости мог обрушить увесистый кулак на тех, кто явно слабее его, дабы хоть на миг почувствовать свое призрачное могущество. Минут десять сидела Вероника на диване, прижав к себе братика, боясь показаться на глаза матери. Девушка прекрасно понимала, что превратится в боксерскую грушу, на которую возложат все грехи человечества, ибо она никогда не могла постоять за себя. Робкая по характеру, Вероника принимала на себя все удары судьбы, выпавшие на ее долю, на такую еще юную девушку. Кроме бабушки не было у нее заступников. Был еще Данилка, который горячо любил ее, но куда ребенку было справиться с родителями? Правда, он не раз обещал сестре как только вырастет, то поможет ей, а пока приходилось жить в ожидании, что однажды справедливость восторжествует и у Веронике начнется новая, куда более счастливая жизнь.

От таких мыслей тоска еще с большей силой завладела ее душой. Дабы не заплакать, девушка покрепче обняла Данилку. Чувствуя тепло, исходившее от него.

Вдруг дверь открылась и в проходе показалась Инна Викторовна в домашней одежде. Уставшим видом она окинула детей и сказала:

– Чего тут расселись? Быстро марш на кухню мне помогать!

Когда Вероника, взяв Данилку за руку, направилась вслед за матерью, та обернулась и оборонила:

– Я говорила тебе, Вер. Данилка может идти играть.

– Но я хочу остаться с Вероникой! – воскликнул мальчик.

– Сыночек, – как можно ласковее ответила Инна Викторовна, хотя голос ее дрожал от злости, – сынок, иди поиграй в игрушки или посмотри мультфильм. Мы скоро будем ужинать.

Спорить с матерью не хотелось. Даниил обиженно выпятил нижнюю губу и, опустив голову, пошел в спальню, где были его игрушки.

Вероника в таких случаях всегда завидовала брату, хотя боялась признаться в этом даже самой себе. На кухне, думала она, мать снова вспомнит о ее тройках и об ее отце, который перестал платить алименты, как только потерял работу. Так оно и вышло. Вместо помощи Инна Викторовна приказала дочери почистить картошку, а сама принялась жарить котлеты. Во время готовки женщина искоса взглянула на Веронику и спросила:

– Почему, когда я прихожу, дома так грязно? Трудно помыть посуду за собой?

– Мама, я мыла посуду и полы протерла, а после этого отправилась забирать Даньку из детского сада.

– А остальное время чем занималась? Опять в Интернете сидела?

– Я уроки делала. У меня не было сегодня ни минуты свободного времени.

– Да, ты просто все медленно делаешь, потому как туго соображаешь. Я работаю одна на всю семью, плюс дома все делаю, а вы только живете за мой счет да пользуетесь моими трудами! – Инна Викторовна завелась.

Долгое время девушка выслушивала историю о ее семье и родословной. Все было не новым: мало денег, ноль помощи, схожесть с отцом и «подлость» бабушки, которая «настра-

ивает» внучку против матери. Устав вконец выслушивать негатив по отношению к себе, Вероника бросила чистить картошку и ответила:

– Мама, если я такая плохая. Почему не отпустишь меня к бабушке?

Женщина метнула на нее злой взгляд и проговорила:

– Это тебя старая ведьма – твоя бабка, научила разговаривать со мной в таком тоне, да?

– Нет.

– Хватит врать! Опять она сегодня звонила? Смотри, а не то обрублю все связи с бабкой, больше вообще ее не увидишь.

– Я с ней не говорила сегодня, у меня был очень тяжелый день, – попыталась оправдаться Вероника, презирая себя за слабохарактерность.

– Так я тебе и поверила, да у тебя мозгов не хватит высказать собственное мнение.

Разговор становился опасным. Снова может быть упомянут непутевый отец, чей характер унаследовала девушка, да ее плохая учеба в школе. При этом Инна Викторовна не хотела признавать свою ошибку в том, что после второго замужества совсем забыла о дочери. Она считала, что все неудачи – это вина исключительно Вероники, а она, мать, тут абсолютно не при чем.

Ужинали молча. Данилка то и дело давился котлетами, да это и понятно. Инна Викторовна, дабы сэкономить, покупала самый дешевый фарш, состоящий в основном из жил и жира, которые большинство покупали для кошечек и собак. Мяса практически не было, котлеты получились маленькими и рыхлыми, их невозможно было есть, но иного они и не ждали, рады и такому. Сергей всегда косо поглядывал на Веронику, про себя считая, сколько котлет она съела, ему казалось, что девушка их объедает и из-за нее в семье нет денег.

Бросив вилку, мужчина уперся локтями в стол и сказал:

– Инн, а еще котлеты есть?

– Нет, – раздраженно ответила женщина, – у меня не хватило денег на килограмм фарша, пришлось брать столько, сколько могла. Каждому по две котлеты.

– Я больше не хочу есть, – простонал Даниил, ковыряясь в тарелке.

– Ешь, сынок, больше ничего нет, – ласково ответила Инна Викторовна, поглаживая сына по голове.

– Не хочу есть. Еда невкусная, в садике лучше кормят, – не утихал мальчик, явно стараясь разозлить родителей.

– Мать сказала ешь, значит, ешь, – проговорил Сергей, раздраженный не меньше сына безвкусными котлетами.

Данилка упрямылся, ковыряя все время в тарелке. Инна Викторовна не выдержала и, забрав его ужин, сказала:

– Не хочешь, не кушай.

– Я «Лунтик» хочу смотреть.

– Иди смотри, сынок, – ответил Сергей, горячо любящий сына.

Мальчик с веселым смехом убежал к телевизору. За столом осталось три человека. Вероника тихо накалывала на вилку котлеты, боясь шевельнуться лишней раз. Всегда совместные времяпровождения оборачивались для нее пытками: ее либо не замечали, но чаще всего унижали, стараясь побольше надавить на те места, которые и ей самой не нравились, а именно: инфантильность ее отца, внешность серой мышки, старая одежда, редкие волосы, мешки под глазами, как будто девушка сама была виновата в том, что такая родилась.

И как только она об этом подумала, Сергей обернулся в ее сторону и спросил:

– А ты чего копаешься? Тоже есть не хочешь?

– Нет, я буду есть, – тихо проговорила Вероника.

– Вкусно, да? – поинтересовалась Инна Викторовна, усмехаясь над ней.

Дабы угодить родителям хоть в чем-то, девушка набрала побольше воздуха в легкие и сказала:

– Да, вкусно.

– Тебе бы только пожрать! – закричал Сергей. – Ничего не делаешь по дому, учишься плохо, выглядишь и того хуже. Остальные девчонки как куклы ходят, а ты мымра.

– Какие оценки ты получила сегодня? – спросила мать, пропустив мимо ушей слова мужа.

– Никакие, – спокойно ответила Вероника, хотя на глаза у нее навернулись слезы.

– Вчера три по геометрии получила, – издевательским тоном ответил Сергей и довольно откинулся на спинку стула.

– Три?! – воскликнула Инна Викторовна, взгляд ее глаз стал злым и холодным. – И ты мне ничего не сказала?

– Я хотела... – промолвила девушка, вытирая слезы.

– Чего плачешь как маленькая. Кто виноват в том, что ты не можешь учиться? – закричал Сергей. – Я всегда проверяю твой дневник и мне становится стыдно, что моя падчерица не может ответить хотя бы на четыре.

– Но я учу, а у доски все забываю от волнения, – оправдывалась Вероника, искренне желая поскорее выйти из-за стола, чтобы не видеть ни мать, ни отчима. Как будто прочитав ее мысли, Инна Викторовна командным тоном проговорила:

– Быстро доедай ужин и марш учить уроки!

Девушка была искренне благодарна матери хотя бы за это. По крайней мере у нее будет возможность посидеть в одиночестве в комнате, и никто ее не тронет. Она поставила тарелку в раковину и удалилась к себе, оставив злобный взгляд отчима и равнодушный матери позади.

В комнате, слишком темной для юной девушки, Вероника раскрыла учебник по английскому и принялась доделывать задание на дом. Долго она сидела со словарем, переводя простой текст. Может быть, он и был простым для тех, кто хорошо владеет языком, но для нее это было трудным, особенно подбирать нужные словосочетания на родном языке.

Через час, когда кукушка прокуковала восемь вечера, Вероника встала из-за письменного стола и пошла принимать душ в ванную комнату. К счастью, на пути ей никто не встретился, благо начался новый выпуск новостей, которые никогда не пропускали родители. Данилка тоже был занят важным делом: он смотрел по видео «Лунтик».

Оглядев коридор в старом стиле, девушка подумала: «Столько денег потрачено на технику, лучше бы свежие обои в комнатах наклеили бы». Но, к сожалению, никому не было дела до квартиры, благо работали телевизор и Интернет.

В ванной комнате девушка сняла одежду и включила воду. Из лейки полилась прохладная вода – Вероника не любила горячую. Когда с водными процедурами было покончено, девушка вытерлась махровым полотенцем и оглядела себя со стороны. В зеркале на нее смотрело бледное лицо, на котором отчетливо вырисовывались серые глаза под черными бровями да тонкий рот, на щеках были заметны поры и мелкие прыщики, которые не залечивались даже лосьоном. Пепельные волосы средней длины имели невзрачный мышинный цвет, который и так усугублял ее не столь красивое лицо. А как ей хотелось превратиться в красавицу с белокурыми длинными волосами, иметь яркие пухлые губы, спортивную фигуру; такими видела Вероника в интернете и журналах знаменитых моделей и артисток, которыми восхищаются и с которых все берут пример. Ей же злая судьба уготовила проживать в убогой квартирке с бедными родителями, которые ни капельки не любят ее и не хотят ничем помочь. Есть, конечно, бабушка, старающаяся помочь внучке чем может, но просить у старушке деньги на салон красоты было бы верхом невежества: благо, Зоя Семеновна и так оплачивала ей с пенсии за Интернет, телефон, покупала, когда могла, одежду, давала на карманные расходы. Больше у нее не было денег, и так на ее шею сидел еще сын, который не старался найти работу.

Подумав об этом, Вероника еще раз взглянула на себя и зеркало и тихо спросила: «Ну почему одним дается все, а другим ничего? Ладно, деньги и потом можно заработать, но что мне делать с такой непримечательной внешностью? Вон, у Анжелки нет богатых родителей,

живет с мамой, бабушкой и младшей сестрой в двухкомнатной квартире, а внешность у нее такая, что превосходит многих знаменитых красавиц, да и парни за ней бегают все время, а меня никто не любит: ни в школе, ни дома, да еще гадости говорят о моей внешности, я и так знаю, что не вышла ни лицом, ни фигурой».

На глаза навернулись слезы. Девушка не стала их смахивать – никто все равно ее не увидит. Накинув легкий халатик, Вероника вышла из ванны. В комнате родителей было тихо, должно быть укладывали Данилку спать.

В своей комнате Вероника переделась в ночную рубашку и легла спать. Перед сном она представила себя в новой жизни среди иных людей. Ей так хотелось стать счастливой, чтобы ее тоже любили и уважали, и от этих мыслей она снова заплакала. Поначалу Веронике захотелось открыть окно и прыгнуть вниз, но в последний момент передумала, когда вспомнила слова Зои Семеновны о том, что самоубийство – самый тяжкий грех, а самоубийцы вечность будут гореть в аду. Не хватало еще и после смерти мучиться, подумала девушка и плотно закрыла глаза. Сон сразу же сморил ее, когда она укрылась под мягким, теплым одеялом.

Глава II

Утро начиналось как обычно. Вероника вставала в шесть тридцать и шла умываться, принимать душ. В это же время поднималась и Инна Викторовна. В отличии от дочери, женщина в первую очередь заваривала чай, резала бутерброды, а затем, перекусив на ходу, будила Данилку, умывала его и вместе они уходили в садик. Девушка в такие моменты старалась лишней раз не тревожить мать, дабы не получить свежую порцию негатива в свой адрес. Когда Инна Викторовна молча поставила перед ней большую кружку чая, девушка робко пожелала доброго утра и принялась завтракать. Она знала, что мать не довольна: мало того, что ей ни свет ни заря приходится вставать, дабы отвести сына в детский сад, так еще и наблюдать спящего мужа. Сергей никогда не просыпался рано вместе с ними, мужчина мог спать хоть до обеда, хоть до десяти часов утра, благо спешить ему было некуда, а вести сына в садик он считал ниже своего достоинства, как говорил он иногда: дети – удел бабы. Причем свои обязанности по отношению к сыну Сергей всегда забывал, иной раз рассуждая о том, как было бы хорошо, если Даниил станет большим человеком, заработает много денег и станет помогать родителям, а о том, что в первую очередь, родители должны обеспечить ребенка всем необходимым и дать ему толчок в жизнь мужчина никогда не говорил.

Этим же утром, не смотря на плохое настроение, Инна Викторовна начала первая разговор, присаживаясь напротив дочери с чашкой кофе:

– Вер, – начала она, – сегодня ты сама пригостишь ужин, так как меня не будет вечером.

– Мама, а куда ты пойдешь? – спросила Вероника, хотя прекрасно знала ответ.

– Я пойду в гости к сестре, она сегодня пирог печет, вот меня и позвала. Еще там Оля купила себе новые джинсы, интересно посмотреть.

Вероника глубоко вздохнула, проглотив обиду. Она прекрасно знала, что каждую пятницу Инна Викторовна ходит в гости к родной сестре и задерживается у нее чуть ли ни до ночи. А ей приходится все время сидеть дома вместе с Сергеем, который ненавидит ее и при любом случае старается унижить или обидеть ее. Но делать было нечего: мать все равно сделает так, как хочет, а проситься с ней в гости к тете было бы верхом глупости – все равно ничего хорошего из этого не выйдет. Мама, знала Вероника, души не чаёт в своей родной племяннице, все для нее делает. А уж если хвалит, но нахвалить не может: и какая Оля красавица, и какая умница, и одевается лучше всех, и самая модная, и самая стройная, и какое у Оле большое будущее, и непременно она станет успешной в бизнесе и муж у нее будет не меньше миллионера, и все у нее будет хорошо. И так каждый раз. Как только Инна Викторовна заводила разговор о племяннице, глаза ее блестели радостным огнем, она аж вся преображалась, а затем, взглянув на дочь, добавляла: «Оля красавица, не то, что ты. Иногда мне кажется, что не ты моя дочь, а она».

После таких слов Вероника часто плакала, закрывшись в своей комнате. Вот почему такая несправедливость? Чем так угодила Оля тете, что та постоянно с восторгом рассказывает о ней? И чем провинилась она, Вероника, что мать всегда предаёт ее. Чаще всего, когда они вместе ходили к тете Лене, Инна Викторовна всячески старалась угодить старшей сестре, а унижение дочери воспринималась как шутка, над которой они смеялись. Никогда Вероника не забудет тот случай, когда мать при тете и Оле сказала:

– Вер, ну посмотри на свою сестру, да она же просто пример для подражания! Когда же ты станешь такой же как и Оля, тогда я буду любить тебя больше всех, а то мне не приятно, что моя дочь похожа на серую мышку.

– Инн, ну о чем ты говоришь? Кто же с моей Олечкой сравнится? Ну посмотри на нее: от меня и мужа она переняла все самое лучшее, вот и получилась красотка. Особенно я замечаю в последнее время, когда хожу с дочкой по центру, как все парни и мужчины просто

головы сворачивают нам вслед. Один даже своему другу сказал: «Гляди, какая красивая блондиночка», и это-то со мной. А уж когда Олечка ходит гулять с подругами, то все парни у ее ног, многие даже своих девушек ради нее бросают.

– Тебе повезло с дочкой, – проговорила Инна Викторовна, мельком наблюдая за реакцией Вероники, – а то моя вылитая папа: ни кожи ни рожи, одевается хуже всех, хотя мы столько раз ходили по магазинам, я выберу, значит, какую-нибудь кофточку ей яркую, стильную, молодежную, а Вероника ни в какую: и приходится платить скрепя сердцем за серую невзрачную тряпку, какую не каждая бабулька оденет. Я пыталась привить ей чувство стиля, но тщетно – что она, что ее отец, два бездаря.

Вероника почувствовала, как комок сжал горло. Ей захотелось поскорее выбежать вон из квартиры и громко заплакать от унижения, чтобы хоть кто-то посочувствовал ей; и, может быть, услышав ее плачь, дрогнет чье-то черствое сердце, протянется чья-то рука на помощь, но вокруг не был никого, кто мог бы помочь ей. Была, конечно, бабушка, но Вероника знала, какое чувство ненависти испытывают друг к другу мать и Зоя Семеновна. Конечно, девушка могла в любое время пожаловаться старушке, но не хотела накалять и так уже испорченные отношения. Не хотелось ей жаловаться еще и потому, что она была очень добрым человеком, можно даже сказать, слишком добрым, чтобы ради своей цели накалять отношения между родственниками. Но именно эта доброта и была причиной всех ее несчастий, потому как большинство людей, которые даже если и имели совесть, но не использовали ее, пользовались добротой Вероники, прекрасно зная, что они никогда не ответит на обиду. Ладно, если бы таким бессовестным способом самоутверждались только посторонние люди, но страшнее было осознавать, что чаще всего негатив исходил как раз таки от близких людей, которые, наоборот, должны были поддерживать ее.

Эти мысли мигом пронеслись в голове Вероники, когда она, едва сдерживая слезы, посмотрела сначала на мать, затем перевела взгляд на тетю Лену и в последнюю очередь мельком взглянула на сестру Олю, которая, развалившись в кресле, смотрела на присутствующих с высокомерным видом. Униженная, оскорбленная словами собственной матери, девушка искала поддержки у тете и сестры, но те лишь смеялись над ее жалким видом, словно внешность девушки была лишь ее ошибкой.

Еще Вероника вспомнила случай месячной давности. Это произошло накануне дня рождения Оли. Тетя Лена пригласила всех родных на праздник дочери. Естественно, без подарков не обошлось. Но какой ценой! Три дня тому назад Зоя Семеновна подарила на скопленные ранее средства внучке хорошую сумку, чтобы та могла хотя бы чем-то гордиться. Но когда девушка, собираясь в школу, стала искать подарок бабушки, сумки нигде не было, а спрашивать о пропаже она не хотела, так как тщательно скрывала подарок. Но это она думала, что скрыла сумку. На самом деле для нее обернулось шоком, когда Инна Викторовна демонстративно вручила ту самую сумку дочери племяннице. Оля ничего не подозревая с радостью приняла подарок, а у Веронике кусок застрял в горле. Незаметно отлучившись, девушка зашла в туалет, закрыла дверь на защелку и долго там плакала от обиды, что мать забрала единственную ее хорошую вещь, подаренную бабушкой, даже не спросив ее разрешения. Почему Оле всегда доставалось самое лучшее, а для нее собственная мать уготовила жалкую участь? Ей не хотелось больше оставаться на празднике, видеть счастливое лицо двоюродной сестры и ту самую сумку, которая потом лежала в груди подарков. Подавленная, Вероника ушла, попрощавшись с тетей. Придя домой, она позвонила бабушке. Зоя Семеновна побледнела. Не долго думая, она собралась и поехала к Елене Викторовне домой, благо, она знала, где та живет.

Ничего не подозревавшая Оля открыла дверь квартиры и увидела разъяренную бабушку сестры. Зоя Семеновна переступила порог квартиры и твердым голосом сказала:

– Оля, быстро отдавай сумку!

– Какую сумку? – возмутилась красавица.

– Ту, что подарила тебе Инна Викторовна.

– А почему я должна ее вам отдавать? Это мой подарок, ясно?

На шум в прихожую вбежала испуганная тетя Лена. Увидев перед собой суровое лицо Зои Семеновны, она спросила, что та хочет от ее дочери.

– Елена Викторовна, верните сумку, которую подарила ваша сестра Оле.

– А почему..? Что случилось? – удивилась женщина.

– Ах, так вы не знаете?

– Что не знаем? – в один голос воскликнули тетя Лена и Оля.

– Я вам сейчас скажу. Дело в том, что сумку купила я на свои деньги моей внучке Веронике. А ваша сестра, Елена Викторовна, УКРАЛА, – на этом слове старушка сделала особенное ударение и произнесла его так громко, чтобы сидевшая в зале бывшая невестка услышала ее голос, – да, украла сумку у собственной дочери и подарила ее племяннице.

Тетя Лена покраснела от смущения, а Оля вообще стояла в шоке. Как бы они не любили Инну Викторовну, но даже они были в шоке от данного поступка. Девушка ушла в свою комнату и через полминуты вернулась, держа в руках сумку. Зоя Семеновна забрала подарок и поблагодарила женщин. Когда она собиралась было уходить, ее окликнула Инна Викторовна:

– Зоя Семеновна, зачем вы сюда пришли?

Пожилая женщина обернулась и так взглянула на нее, что та отступила на шаг, едва не упав. Тетя Лена быстро встала между двумя женщинами, тихим голосом призывая их успокоиться.

– Как мне быть спокойной, Елена Викторовна, если эта нахалка крадет вещи у собственной дочери!

– Зоя Семеновна, не надо меня оскорблять. Я вам ничего плохого не говорила.

– А как мне с тобой еще говорить?! Ты свою собственную дочь ненавидишь, последнее у нее забираешь и все племяннице отдаешь. Совесть-то хоть есть?

– Вы знаете, какая у меня финансовая ситуация, у меня просто нет денег покупать подарки, а ходить с пустыми руками я не могу.

– Да-да, и потому вместо того, чтобы перестать покупать пиво своему хахалю, ты берешь вещи, которые купила я. Запомни: Оля для меня никто и тратить свои кровные деньги на нее я не собираюсь. А Верочку не трогай! – с этими словами Зоя Семеновна вышла на лестничную площадку, громко хлопнув дверью, а в руках у нее была та самая сумка.

Инна Викторовна вернулась в зал. Присев в кресло, она закрыла лицо руками, чувствуя, как ее щеки пылают. К ней под села сестра Лена и спросила:

– Инна, думаешь, ты нормально поступила сегодня?

– А что мне было делать, если у меня нет ни копейки денег на подарок?

– Причем здесь подарок? Зачем ты взяла Верину сумку?

– Я думала, что подарю ее Оленьке, а Веронике потом куплю другую.

– И все равно, ты, Инн, поступила очень плохо по отношению к дочери, давай уж говорить на частоту.

Разговор дальше продолжать не хотелось, все было и так понятно. Инна Викторовна, чувствуя вину перед сестрой и племянницей, пообещала накопить деньги и купить хороший подарок. Тетя Лена пошла провожать сестру, а Оля так и не вышла: праздник был полностью испорчен.

Вернувшись в тот вечер домой, Инна Викторовна ничего не сказала дочери, хотя могла бы попросить прощение. Но вместо этого женщина сделала каменное лицо и ходила так по квартире, показывая, как она обижена на Веронику. Почти целую неделю она не разговаривала с дочерью, и лишь потом, когда тот случай начал было забываться, Инна Викторовна вошла в комнату Вероники и сказала:

– Зачем ты своей бабке рассказала о сумке? Тебе не стыдно так подставлять родную мать? Я от стыда хотела сквозь землю провалиться.

– Эту сумку подарила мне бабушка. Почему я должна отдавать ее другому человеку?

– Ты так говоришь, будто бы Оля тебе чужая, а, между прочим, она твоя двоюродная сестра! Тебе, выходит, жалко подарить что-либо сестре, которая постоянно передает тебе свои вещи.

– Мама, Оля приносит только то, что хотела бы выбросить на помойку. Посмотри, разве она дарит мне хорошие вещи? А сумка эта новая, фирменная. Бабушка долгое время копила деньги, чтобы мне ее купить.

– Выходит, ты любишь бабушку больше, чем меня и Олю только из-за подарков? Какая же ты лицемерная! Подавись своей сумкой, а у меня больше ничего не проси! – высказав в довольно резком тоне последние слова, женщина удалилась с высоко поднятой головой, радуясь, что снова одержала вверх над дочерью благодаря своей манипуляцией.

Растерянная, Вероника не могла произнести не слова. Мало того, что у нее в тайне забрали сумку и подарили другому человеку, так еще и обвинили в том, что она захотела вернуть свою вещь обратно. Честно, девушке было обидно до слез за то, что мать любила племянницу больше, чем родную дочь, которую, не гнушаясь, всегда выставляла посмешищем перед друзьями и родными.

Каждый раз, когда речь заходила и тете Лене и Оле, в памяти Веронике вставал этот случай с сумкой, который она никогда не сможет забыть.

Позавтракав, девушка оделась и пошла в школу. Инна Викторовна в это время собирала Данилку в детский садик, попутно красясь на работу. Когда Вероника очутилась за порогом квартиры, то почувствовала себя счастливой, словно родной дом был единственным местом ее кошмаров. И даже не столько благополучная школа, в которой учащиеся делились на группы, была для нее раем после скандалов с матерью и отчимом.

На уроке химии, который был первым, учительница спрашивала домашнее задание. В классе, где училась Вероника, было не модным делать уроки и получать хорошие оценки. Напротив, больше половины класса были бездельниками и разгильдяями, курившие на перемене в туалетах, хотя директор строго настрого запретил это делать.

В классе была своя иерархия; в «высшее общество» допускались лишь «самые красивые и крутые», среди них были юноши, любящие поиздеваться над младшеклассниками, попить пиво на перемене, а после всех уроков устраивать драки с ребятами из соседних дворов и школ, а также красивые девушки, пользующиеся успехом у «крутых» парней. Нельзя сказать, что в «высшем обществе» расположились дети богачей, нет, все там были из самых обычных семей, но любящие преподать себя так, словно они были дети миллионеров или знаменитостей.

В «низших слоях» оставались такие как Вероника, но почему-то именно она одна подвергалась насмешкам со стороны королевы класса и ее друзей. Хотя одноклассники прекрасно знали ее тяжелое семейное положение и отсутствия хорошей материальной базы, но тем не менее, травили ее изо дня в день, прививая новые комплексы по отношению к ее внешнему виду и характеру.

Так было и на этот раз. Как только Вероника подняла руку, дабы ответить домашнее задание, весь класс оживился, потому как знали, что девушка редко когда отвечала на четыре или пять. Со всех сторон послышался шепот: «Глиста, глиста», но Вероника не стала обращать на оскорбления, сыпавшиеся на нее проливным дождем. Учительница постучала указкой и приказала класс замолчать. На время наступила тишина. Был слышен только голос Вероники, которая отвечала домашнее задание, и хотя она прекрасно знала материал, но настолько переволновалась, что в конце начала путаться, но все же потом выправились и более уверенным голосом рассказала все до конца. Учительница похвалила ее и поставила четыре.

– Молодец, Иванова, закрыла предыдущую тройку четверкой. Возможно, если и контрольную напишешь хорошо, то и в четверти выйдет четыре.

– Ольга Петровна, о чем вы говорите, когда это Глиста получала четверки по контрольной? – прокричал на весь класс «король», а все остальные ребята дружно засмеялись.

– Саша, ты тоже не отличник, – ответила учительница, хотя у нее и в мыслях не было поддерживать Веронику, чьи родители не могли делать внушительные взносы на родительском собрании.

Девушка густо покраснела от стыда, словно была в чем-то виновата, хотя нет, вина все же ее была – вместо того, чтобы хоть как-то защитить себя, она как страус вжимала голову и тихо сидела, выслушивая оскорбления и издевки.

После первого урока Вероника зашла в школьный туалет. Там возле окна с сигаретой в руках стояли ее одноклассницы, вульгарно покрашенные девушки в мини-юбках и высоких каблуках. Вероника в испуге попятилась, ей захотелось скорее уйти оттуда, но она не решилась показать свой страх, а вместо этого шагнула к кабинке. Сзади она услышала шепот и злорадный смех. Одна из девушек, должно быть, королева класса, громко сказала, чтобы все слышали:

– Эй, Глиста! Куда собралась?

Вероника услышала свое прозвище и вздрогнула. Она остановилась на полпути, боясь сделать хоть какое-то движение. Две девушки подошли к ней и подвели к окну. На подоконнике лежала зажигалка и пачка сигарет. Девушка со светлыми волосами достала одну сигарету и протянула Веронике.

– Глиста, будешь курить?

– Нет, спасибо, – ответила та и опустила голову.

– Ты что, отказываешься? Да?

– Да.

– Слушай, иди сюда, – девушка взяла Веронику за руку и подвела к раковине. Включив воду, она схватила несчастную за хвост и опустила лицом в раковину. Вода оказалась холодной. Веронику обдала дрожь. Захлебываясь, она попыталась вырваться из цепких рук одноклассницы, но та крепко держала ее голову.

– Ты, уродина, как смеешь мне отказывать? А? Кто ты такая? – проговорила она фамильярным тоном.

Остальные девицы смеялись и снимали все на телефон. Когда волосы Вероники окончательно намокли, девушка подняла ее голову и повернула лицом к себе.

– Слушай сюда! Когда я говорю кури, ты куришь. Если я прикажу тебе есть дерьмо, ты будешь его есть! А откажешься, пеняй на себя. Теперь просит прощение за то, что не приняла мою просьбу.

– Прости, – ответила Вероника, трясась от холода и страха.

– Кто так просить прощение? Становись на колени!

Одна из девушек подошла к ним и спросила:

– Анжела, это снимать крупным планом, да?

– А ты как думаешь, Ань?

– Думаю, что да, – Аня засмеялась и направила айфон в сторону Анжелики и Вероники.

Анжелика подошла в плотную к Веронике и злобно проговорила:

– Ты глухая? Не слышишь, что я тебе говорю? Быстро встала на колени и проси прощение, Глиста!

Несчастливая Вероника покорно опустила на колени. Мокрые волосы рассыпались по плечам. Капли стекали с них прямо на одежду и сумку. Но сейчас это мало волновало ее. Она лишь видела ноги Ани и Анжелы, да слышала истерический хохот в ее адрес.

– Прости, – проговорила девушка, готовая провалиться сквозь землю от такого унижения.

– Это ты так просишь прощение? – воскликнула Анжела, упиваясь своим могуществом. – Говори так: О, прекрасная Анжелика! Я преклоняю перед тобой колени и прошу о нисхождении к моему ничтожеству!

Жестокое обращение подростков к одноклассникам было типичным для этой школы, считавшейся неблагополучной. Учителям было все равно, что происходит в стенах школы. Очень редко, когда они заступались за обиженных; чаще всего они просто не замечали ничего. Но в этот раз, когда Вероника уже была готова повторить слова унижения, в туалет неожиданно вошла учительница по труду. Увидев девушек, женщина напустила на себя грозный вид и спросила:

– Что здесь происходит? Быстро вон отсюда все!

Анжелика вместе с Аней и Оксаной усмехнулись и с довольным видом вышли в коридор, оставив Веронику одну. Учительница посмотрела им вслед и сказала:

– Что за дети пошли, хуже преступников. Ни стыда, ни совести, только и знают, что шляются по подъездам да курят в туалетах. Лучше бы уроки учили, – потом она наклонилась над плачущей Вероникой и спросила. – С тобой все в порядке?

– Не... не знаю, – ответила девушка, дрожа всем телом от холода.

– Иди домой, а я поговорю с классным руководителем.

– Спасибо, – проговорила несчастная, вставая на ноги.

Мокрая одежда прилипла к телу, мокрые волосы рассыпались по плечам и шеи, от чего стало еще холоднее. Идя по длинным коридорам школы, Вероника думала только об одном: куда ей идти в таком виде, как не заболеть от холода. Войдя в раздевалку, она заметила двух высоких десятиклассников, обсуждающих что-то новое из серии ноутбуков. Мельком взглянув на испуганную девушку с мокрой головой, они дружно рассмеялись и спросили:

– Ты что, в раковине голову мыла или тебя в унитаз опустили с головой?

Вероника, еле сдерживая слезы, отвернулась и стала искать свой пуховик. И эти смеются над ней, не зная ни ее саму, ни историю, произошедшей только что. Ну почему все так относятся к ней, почему? Чем она так провинилась перед людьми, что постоянно слышит оскорбления и насмешки в свой адрес изо дня в день? Что с ней не так? Каждый раз, ощущая внутреннюю боль, Вероника задавала такие вопросы, но всегда они оставались без ответа.

Куда идти теперь, думала она. Домой никак нельзя, там Сергей, который не только не посочувствует ей, но может еще сильнее оскорбить или даже побить – смотря, сколько пива он уже успел выпить. Только к бабушке, только к ней, не смотря на то, что Зоя Семеновна жила не так уж и близко. Но все равно, у бабушке ей будет лучше, там ее поймут и пожалеют. А, может быть, и с папой встретится, который тоже ее сильно любит.

При выходе из школы, Вероника обдумывала, как выйти со школьного двора, чтобы нечаянно не попасть на глаза Анжелики, которая всегда вместе с подружками курит на спортивной площадке. Что делать? Вероника боялась Анжелику и тех, кто дружил с ней. Подруги «королевы», а также многочисленные ухажеры из старших классов готовы были в любую минуту прийти на помощь красавице, ибо дружить с ней было престижно как для поднятия самооценки, так и для собственной безопасности.

Вероника же, в силу семейных и денежных обстоятельств, была отстранена всем классом назад. Девушке всегда было тяжело в душе слышать за своей спиной обидные прозвища и оскорбления, а потом, придя домой, терпеть выходки отчима и ненависть собственной матери.

Иной раз девушка старалась понять ненависть всего человечества к своей персоне. Ладно, с Сергеем понятно: он чужой для нее человек, хоть и живут они под одной крышей. Понятно и презрение одноклассников: она, Вероника, из всего класса одевалась хуже всех, у нее не было молодого человека, она ни разу не посещала ночные клубы, не курила на заднем дворе школы, не имела при себе планшета и смартфона, не выкладывала собственные фотогра-

фии в Инстграмм – словом, отставала от современной жизни. Но вот почему Инна Викторовна относилась к ней словно к чужой, была для Веронике неведомо. Несколько лет назад, когда женщина сидела по уходу за ребенком в декрете, Сергей совсем распоясался: он мог кричать на родных отборной бранью, ломал вещи в доме, почти каждый день поднимал руку на жену, которая после кухонных разборок тщательно замазывала синяки тональным кремом. Свидетелем всего этого была Вероника, которая плакала и умоляла отчима не бить маму. Но Сергей никогда не внимал просьбе девочки, напротив, в такие моменты он становился опаснее дикого зверя, направляя всю злость на падчерицу. Инна Викторовна не старалась защитить дочь от тяжелой руки супруга, и даже более того, всячески старалась поддержать Сергея.

Вероника поначалу понимала гнев матери, когда та срывалась после очередных разборок с Сергеем. Девочка жалела мать, ей очень хотелось видеть ее красивой и счастливой как раньше, но женщина постепенно привыкла к безропотности дочери старалась направить гнев Сергея на нее. Когда Вероника вся в слезах бежала к матери, та с отвращением отталкивала ее, приговаривая: «Сама виновата, не надо доводить папу».

Подрастая, девушка осознала отношение матери и отчима к ее существованию, тем более, что и в школе ее начали травить, когда узнали, в каком трудном положении оказалась она. Учителя всячески придирались к ней, занижая оценки; одноклассники издевались не хуже Сергея, а Инна Викторовна, махнув рукой на дочь, занялась новой семьей и родственниками.

Вот почему Вероника решила, что пойдет лучше к бабушке через несколько кварталов, чем снова и снова оправдываться перед отчимом.

Вдалеке, уже подходя к воротам школы, девушка заметила Анжелику, обнимающуюся с каким-то молодым человеком. Она никак не могла понять, почему ее никто не решается трогать, хотя сама Анжелика никогда не носила дорогую одежду да и жила не так уж и хорошо. Отец Анжелики разбился три года назад в автокатастрофе, оставив жену и детей без кормильца. Мама девушки вынуждена была пойти работать на вторую работу, хотя сама была учителем музыки. Семья Анжелики жила в маленькой двухкомнатной квартирке и состояла из четырех человек: мама, бабушка, она и ее младшая сестра – ученица второго класса. И даже не смотря на такое трудное семейное положение, Анжелика держала планку, всегда великолепно выглядела, носила стильные, хоть и недорогие, вещи.

Почему так, спрашивала себя Вероника. Чем она лучше меня? Может быть, потому что Анжелика красавица блондинка? Хотя да, спорить с этим было никак нельзя. Девушка лицом напоминала Дауцен Крёз и Иванку Трамп, да и фигурой была хороша. Может быть, поэтому ее все обожали и носили на руках? Вероника опустила голову и пошла по дороге в сторону остановки, дрожа от холода.

Время приближалось к обеду. В этот момент Зоя Семеновна могла отсутствовать дома. Но, к счастью, бабушка оказалась дома. Она открыла дверь и увидела на пороге испуганную Веронику с мокрой головой. Девушка сквозь слезы поздоровалась с бабушкой и вошла в ее квартиру.

Квартира была однокомнатная в панельном доме на четвертом этаже. В коридоре стояла прихожая да тумбочка, на которой лежали газеты да старый телефон. В зале, который являлся также и спальней, на одной стороне стоял диван, на другой кровать пятидесятилетней давности. В углу на тумбочке стоял телевизор с антенной да магнитофон, принадлежащий папе Вероники. Кухню в это квартире была самой красивой комнатой. Тут, в отличии, от остального была новая кухонная мебель, уголок с овальным столиком, новая плита и, самое главное, много цветов в плосках. Вот почему Зоя Семеновна любила проводить на кухне все свое свободное время.

Вероника прошла в ванную комнату и сняла с себя мокрый свитер, который тут же повесила сушиться на батарею. Зоя Семеновна прошла к ней с пуховиком в руках и спросила:

– Что случилось, моя маленькая. Почему ты вся мокрая?

Девушка молча вытерла слезы и только хотела было все рассказать, как новый приступ горя и в то же время радости от встречи с бабушкой обрушился на нее и, не понимая что происходит, она вновь заплакала. Плакала она громко, слезы каплями скатывались по щекам на подбородок. Зоя Семеновна, ласково приласкав внучку, гладила ее по голове и приговаривала:

– Ну-ну, любимая моя внученька. Верочка моя, не плачь, я здесь, я рядом с тобой.

– Бабушка, мне хочется остаться с тобой.

– Заберу я тебя, моя маленькая, не волнуйся, ты только дождись меня.

– Бабушка, – только и смогла произнести Вероника, но сколько любви, нежности и надежды вложила она в одно это слово.

Зоя Семеновна продолжала жалеть внучку, больше ничего не спрашивая ее ни о чем. Вместо этого, она подвела ее на кухню и сказала:

– Верочка, садись. Я сейчас налью тебе чай, а потом приготовлю что-нибудь вкусненькое.

– Спасибо.

После обеда Вероника засобиравшись домой, так как стрелка на часах показывала два часа дня. Зоя Семеновна при виде одетой внучки спросила:

– Ты куда собралась? Я думала, ты посидишь еще со мной.

– Не могу, бабушка. Мне нужно Данилку забрать из детского садика.

– А что, его папа не может это сделать? – раздраженно проговорила женщина.

– Нет, к сожалению.

Зоя Семеновна всегда при одной мысли о Сергее злилась, вот почему даже в разговорах старалась не упоминать его имени. К Даниилу она относилась тоже плохо, хотя в душе понимала, что ребенок ни в чем не виноват. Однажды, прошлой весной, Вероника пришла к бабушке в гости вместе с братиком. По началу женщине хотелось выставить мальчика за дверь, но потом, видя, с какой любовью, с какой нежностью относится он к сестре, раскаялась в своем былом намерении и решила хотя бы ради внучки потерпеть сына бывшей невестки.

Сергей в это время смотрел очередной фильм. И ему не понравилось, как кто-то вошел в прихожую, потом прошелся по коридору: видите ли, посторонние шумы отвлекли его от просмотра. Выйдя в прихожую, мужчина взял Даниила за руку и провел на кухню. Затем снова вернулся в прихожую и, подойдя к Веронике, со всей силой схватил ее за руку, повернул к себе лицом и злобно огрызнулся:

– Ты где шлялась, а?

– Я... я была сначала в школе, а потом пошла за Данилкой.

– Что ты врешь? Где ты была до этого, рассказывай!

– Я, правда, после школы пошла за Данилкой в садик.

– Да? И почему ты не зашла домой перед этим? Ты же всегда так делаешь.

Прикрываясь от сыпавших на нее ударов, девушка сквозь слезы пыталась объяснить отчиму, что ей не было никакого смысла идти домой, так как после школы она пошла в детский сад. Но мужчина не слышал, или не хотел ее слышать. Он лишь твердил одно и то же:

– Не ври мне, маленькая нахлебница! Наверное, пила и курила в подворотне с такими же оборванцами как ты!

– Да не пью я и не курю, – оправдывалась Вероника, словно она действительно была в чем-то виновата.

На крик прибежал Данилка. Встав между сестрой и отцом, мальчик обнял Сергея и, схватив его двумя руками, сквозь слезы прокричал:

– Папочка, пожалуйста, не бей Веронику! Пожалуйста.

Мужчина на секунду оторопел. Он смотрел в лицо сына, его большие испуганные глаза и ему стало жаль его. Он собрал остаток сил и сказал:

– Данилка, иди на кухню.

Мальчик все еще плакал. Он не хотел, чтобы отец снова побил Веронику, вот почему он не сдвинулся с места, хотя всегда слушался отца во всем. Девушка стояла ни жива, ни мертва. Она смотрела то на Сергея, то на Данилку. Наконец, дабы покончить с этим, мужчина лишь махнул рукой, как бы отстраняясь от них, и ушел в большую комнату, где снова сел на диван с пультом управления. Вероника, оставшись наедине с Данилкой, обняла его и тихо сказала:

– Спасибо тебе.

– Я люблю тебя, – мальчик искренне улыбнулся и посмотрел на сестру с такой нежностью, что та не смогла сдержать слез. Она прижала к себе братика, чувствуя тепло, исходящее от него.

Глава III

Тем временем Зоя Семеновна, чуть не плача, шла в школу, где училась Вероника. Женщина хотела разобраться в произошедшем случае. За углом школы в это время стояла Анжелика с друзьями и курила, попивая пиво. Заметив вдалеке старушку в темном шерстяном платке, она подмигнула остальным ребятам и сказала:

– Смотрите, бабка Глисты тащится. Интересно, что она нам сделает?

Остальные тоже посмотрели за угол и засмеялись. Ни чувства уважения к старшим, ни сострадания у них не было. С еще большим остервенением они принялись поносить Веронику и ее бабушку, а количество выпитого пива окончательно развязало им язык.

Зоя Семеновна, не зная о том, какие слова в данный момент летели в ее адрес, уже шла по коридору школы прямо в учительскую. Она хотела поговорить с классным руководителем внучки, поделиться случившимся и, наконец, поинтересоваться: примут ли учителя меры или нет? В учительской сидела только преподаватель младших классов. Заметив вошедшую Зою Семеновну, она спросила:

– Женщина, вы кого-то ищите?

– Да... да, – она говорила сбившимся голосом, а комок рыданий мешал ей сосредоточиться, – скажите, где я могу найти Елену Александровну? Мне срочно нужно с ней поговорить.

– А Елена Александровна только что ушла домой. А вы по какому поводу?

– По поводу Вероники, моей внучки.

– Так, может быть, обсудите данный вопрос с завучем? Она сейчас на месте.

– Хорошо.

Зоя Семеновна снова пошла по длинному школьному коридору. Ино и раз мимо нее пробежали дети, оставшиеся на продленке. Постучав в кабинет завуча, женщина робко вошла туда и поздоровалась.

– Здравствуйте, – проговорила Екатерина Михайловна, – чем могу вам помочь.

Зоя Семеновна села напротив нее и, вытирая носовым платком катившиеся по щекам слезы, ответила:

– Я пришла поговорить о сегодняшнем случае с моей внучкой Вероникой.

– Да? А что случилось?

– Ученики из ее класса постоянно издеваются над ней, унижают, потому что знают, что за нее некому заступиться, – произнося эти слова, женщина плакала, ее руки тряслись.

– Пожалуйста, успокойтесь, – с жалостью сказала Екатерина Михайловна, – хотите, я дам вам воды?

– Спасибо, – Зоя Семеновна взяла из ее рук стакан и выпила медленными глотками. Когда, чуть успокоившись, она взяла себя в руки и перестала плакать, то продолжила сбившийся рассказ:

– Сегодня ко мне утром пришла Вероника. Я очень удивилась, почему так рано? Поначалу она ничего мне не рассказывала, говорила про какое-то окно, но я не верила. Представьте, сижу я дома и вдруг на пороге стоит внучка, вся заплаканная, дрожит от холода? Я принялась ее расспрашивать что да как. Вероника все уходила в сторону, пыталась поменять тему разговора, но тщетно. Я настояла на своем, и она во всем призналась.

– Та-ак, и что случилось?

– После первого урока Верочка пошла в туалет, а там сидели ее одноклассницы Анжелика эта вместе со своими подругами. Они принялись смеяться над ней, потом Анжелика облила ее холодной водой и заставила встать перед ней на колени. А остальные девочки снимали все это на мобильный телефон. Вы взрослый человек и, конечно, понимаете, какое это унижение.

Екатерина Михайловна была в шоке от такого рассказа, хотя в школе данный случай был не редкостью, просто никто не поднимал этот вопрос. А тут сама бабушка ученицы пришла просить о помощи. Завуч посочувствовала и попросила Зою Семеновну не расстраиваться, так как завтра они с Еленой Александровной все улажат.

– Я вас уверяю, мы со всем разберемся и все уладим.

– Да вы как-нибудь уж постарайтесь. Верочка очень хорошая девочка, просто скромная и тихая, друзей у нее нет, помощи от матери ждать не приходится. Только я все делаю для нее.

– Побольше бы таких бабушек, – Екатерина Михайловна улыбнулась и попрощалась с Зоей Семеновной, которая не совсем верила руководству школы.

Возвращалась женщина в подавленном настроении. Она прекрасно понимала, что все-речь никто не будет решать их проблемы, а уж за Веронику вряд ли кто-либо заступится. Тут было лишь два варианта: либо все оставить как есть, либо забрать девочку к себе и перевести в другую школу. Но как сделать так, чтобы суд встал на ее сторону? Как? Если бы Инна Викторовна была бы обеспокоена судьбой дочери, стало легче, а так... Все эти мысли пробегали в голове Зои Семеновны по пути домой. А дома она снова пыталась найти выход из сложившегося положения.

Инна Викторовна пришла домой позже обычного. Как всегда, она была уставшей и раздраженной. Немного пошумев на Сергея, женщина ушла на кухню готовить ужин. Вероника продолжала сидеть в своей комнате, боясь даже выйти на встречу матери. Девочка сидела и делала уроки, но ничего не получалось. Мысли об унижении в школе не покидали ее. Она боялась, боялась идти завтра в школу, боялась насмешек, всего. Хорошо, думала Вероника, что завтра суббота и не так много уроков, как в остальные дни.

Ее думы прервали звуки шагов. Девочка обернулась и увидела свою маму, которая грозно взглянула на нее и нервным голосом спросила:

– Где была сегодня?

Вероника вся побледнела. Первое мгновение она хотела все рассказать матери, но передумала, потому что знала, что все равно окажется виноватой.

– Я... я была в школе... А потом... потом пошла за Данилкой.

– А домой чего не зашла? Гуляла?

– Нет, нет. Я сразу пошла школы пошла в садик и забрала Данилку раньше обычного. Смысл мне было идти домой?

– Такой смысл, что ты должна была зайти в магазин и купить продукты, а потом уже за братом идти. Ты что, забыла, что я тебе сегодня утром дала деньги на еду? Где они?

Вероника и правда забыла и о деньгах, данные матерью, и о необходимости купить продукты. Она молча взяла кошелек и достала оттуда пятьсот рублей.

– Вот, я их не на что не тратила.

Инна Викторовна рывком вырвала деньги и, положив в карман халата, строго спросила:

– Забыла, да? А что мне, по-воему, сейчас готовить? Ты не знаешь, что у нас дома нечего есть? Что Данилка будет кушать, а я, уставшая и голодная? Ты ничего не хочешь делать, ни к чему не стремишься. От тебя только нет.

Вероника заплакала. Если бы мама знала, какие у нее проблемы, то, может быть, смягчила свой гнев. Но она не верила ни матери, ни отчиму, для нее они были и родными, и чужими одновременно. Единственное, можно было обо всем рассказать Даниилу, поделиться с ним со всеми проблемами, но он был еще ребенком и вряд ли бы понял что-нибудь.

Вероника видела, как Инна Викторовна уходит, хлопнув дверью, как кричит на Данилку в коридоре, слышала недовольный голос Сергея, плач братика, потом все стихло. Они ушли на кухню ужинать, а ее так и не позвали. Голодная, покинута всеми, Вероника положила руки на стол, на них голову, и заплакала.

На следующий день, в субботу, было пять уроков. Вероника любила этот день не смотря ни на что: во-первых – вечером можно было не учить уроки, во-вторых – ей не нужно было идти на физкультуру, которая стояла последней, так как она была освобождена от физических нагрузок.

Вероника сидела на последней парте и весь первый урок обводила одноклассников полусонным взглядом. Учительница по русскому и литературе что-то рассказывала о творчестве Александра Сергеевича Пушкина, но добрая половина класса ее не слушала. Вероника всегда относилась к литературе постольку поскольку, так как не любила читать книги. На таких уроках она равнодушно осматривала других учеников, особенно пристально вглядываясь в самых красивых, которым втайне завидовала и восхищалась.

В этот раз Вероника смотрела на Анжелику, еще не зная, что Зоя Семеновна ходила жаловаться на красавицу. Вероника никогда не понимала и с грустью думала о том. Почему к ее однокласснице, тоже небогатой, росшей без отца, всегда много поклонников, ее уважают, ею восхищаются, она всегда одета потрясающе и выглядит также. Сегодня Анжелика была одета в черную спортивную кофту с капюшоном, украшенном стразами, обтягивающие черные штаны, более похожие на легинсы, и сникерсы последней модели. Ее белокурые пышные волосы чуть ниже плеч идеально сочетались с красивым нежным лицом.

Вероника слышала громкий смех Анжелики, видела, как та постоянно крутилась, то передавая какие-то записки, то беря чей-то карандаш. Она знала, что сейчас ей сделают замечание или вызовут к доске, но красавица никогда этому не расстраивалась. И только Вероника об этом подумала, как услышала голос учительницы:

– Саликова! Прекрати вертеться на месте и иди отвечать к доске!

Анжелика, посмеиваясь, вышла к доске и принялась ждать вопроса, на который, уже знала, не даст ответа. Учительница задала вопрос о лирике Пушкина, девушка проговорила что-то, но потом запнулась, на что преподаватель ответила:

– Ничего ты не знаешь, Саликова.

– Почему? Я учила вчера, спросите меня что-нибудь еще.

– Хорошо, я тебя спрошу, а ответить тебе поможет... Иванова...

Вероника вздрогнула. Неужели ей придется отвечать вместе с Анжеликой, которую она боялась больше всех? Ничего не произнося, она вышла к доске и встала рядом с красавицей; ее невзрачный вид как бы балансировал с экстравагантным нарядом Анжелики. Когда Вероника встала рядом с красавицей, та посмотрела на нее и, отвернувшись, зажала рот рукой и стала смеяться. Остальные одноклассники тоже захихикали, стараясь явно возвыситься над Вероникой, которая в это время скромно стояла, залившись краской. Учительница пристально взглянула на Анжелику и спросила:

– Чего смеешься? Так весело?

– Угу, – проговорила та и засмеялась громче.

– Смешинку проглотила? Хорошо. Сейчас все вместе повеселимся. Итак... скажите мне, девочки, какие стихи писал Пушкин во время михайловского периода. И что это был за период такой, в чем его особенность?

Обе девушки стояли словно истуканы. Ни одна не могла ответить на такой вопрос. А учительница их подбадривала:

– Ну же, девочки, чего молчите? Ну ладно, если для вас так это сложно, просто назовите названия тех стихов, которые были написаны в данный период.

Вероника прекрасно знала ответы на вопросы, но не решалась первая заговорить, опередив Анжелику, дабы снова не оказаться объектом насмешек. Но одноклассница ее опередила и сказала неуверенным голосом:

– «К морю».

– Молодец, Саликова. Еще?

– «Зимняя дорога», «Няне», «Клеопатра», – проговорила Вероника.

Учительница одобрительно сказала:

– Молодец, Иванова, сколько знаешь. Еще какие стихи? Ну, девочки, не спим.

– «Подражания Корану», «Чаадаеву», – ответила Анжелика.

– «Признание», «Песни о Стеньке Разине», – сказала Вероника.

– Девочки, ну занете же вы все, чего тогда так неуверенно? А какое еще стихотворение было написано в этот период? Ну, ну... знаете же.

Девушки опять молчали, вспоминая произведения. Тогда учительница ответила сама:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.